

RU

Командиры Северного флота в эго-документах матроса-подводника Г. И. Сенникова

Постникова Е. Г., Любецкий А. Е., Сенникова К. Г.

Аннотация. Цель исследования - с позиций современной военно-исторической антропологии изучить опыт создания адекватного военной обстановке психологического климата в боевых коллективах подводных лодок и формирования авторитета командира в глазах подчиненных - матросов-подводников Северного флота периода Великой Отечественной войны, рассмотреть проблему взаимоотношения военнослужащих Военно-морского флота. Научная новизна исследования заключается в том, что в научный оборот вводятся новые источники - эго-документы фронтовика, штурманского электрика подводных лодок «М-107» и «М-119» Г. И. Сенникова. В результате доказано, что авторитет командира завоевывался в экстремальных ситуациях в походе, а межличностные отношения внутри экипажей отличались «семейственностью» и «патернализмом» властных отношений, устанавливающихся между командирами («батями») подлодок и их подчиненными.

EN

Commanding Officers of the Northern Fleet in Submarine Sailor G. I. Sennikov's Ego-Documents

Postnikova Y. G., Lyubetsky A. E., Sennikova K. G.

Abstract. The purpose of the study is to examine experience of creating psychological climate suitable for military environment among members of submarine combat crews and building a commanding officer's authority in the eyes of subordinate submarine sailors of the Northern Fleet during the Great Patriotic War, to consider the issue of interpersonal interactions between naval service members from the perspective of contemporary military-historical anthropology. Scientific novelty of the study lies in introducing new sources into scientific use, namely, ego-documents of the combat veteran, navigation electronics technician of submarines "M-107" and "M-119" G. I. Sennikov. As a result, it is proved that a commanding officer's authority was gained under extreme conditions during military campaigns, while interpersonal relations between crew members were characterised by family-like bonds and "paternalism" peculiar to power relations established between commanding officers of submarines ("war daddies") and their subordinates.

Введение

Исследования последних лет убедительно утвердили эго-документы в качестве важнейшего источника для изучения антропологии войны. Действительно, практически неподцензурные фронтовые дневники могут пролить свет на многие проблемные вопросы, связанные с «человеческим измерением» войны, в частности, на вопросы взаимоотношения рядовых военнослужащих и их командиров, на межличностные отношения внутри воинских коллективов и взаимодействие военных и мирного населения [3, с. 264-266; 14, с. 39].

Исследователи, работающие в русле военно-исторической антропологии, в качестве одной из характерных особенностей фронтовых дневников выделяют авторское осмысление человеческих взаимоотношений. И. Г. Тажидинова пишет: «Анализ дневникового материала позволяет сделать выводы об особенностях фронтовых дневников: сжатость форм фиксации событий, минимум внимания утилитарным вопросам, рефлексия относительно человеческих отношений в экстремальных условиях» [15, с. 150].

Проблему взаимодействия подчиненных и командиров, степень ответственности и привилегии последних, слагаемые понятия «офицерская честь» в исследовательское поле военно-исторической антропологии ввела Е. С. Сенявская [12, с. 107-120]. Границы допустимого в профессиональном и межличностном общении как болевые точки эго-повествования во фронтовых дневниках отмечают историком И. Г. Тажидиновой: «Их авторы, среди многих других, задавались вопросами о том, как именно относились к своей службе

и несли ее командиры Красной армии, какую ответственность и какие привилегии имели, какие отношения практиковали с простыми солдатами. Чувствуется, что такого рода вопросы болезненно волновали комбатантов прошедшей войны на протяжении долгих лет, но до последнего времени не могли быть озвучены» [15, с. 156]. Исследования современных российских ученых, работающих в русле военно-исторической антропологии, Е. С. Сенявской [12], И. Г. Тажидиновой [14; 15], А. С. Кузнецова [3; 4] и др., стали теоретической базой нашего исследования.

Актуальность исследования культуры взаимоотношений военнослужащих ВМФ периода Отечественной войны обусловлена тем, что, как утверждают исследователи, «одним из факторов боеспособности армии является моральное состояние солдат, их взаимоотношения с офицерами и между собой» [3, с. 265].

В связи с этим ставятся следующие задачи исследования: проанализировать фронтовые записи рядового краснофлотца Г. И. Сенникова, посвященные человеческим связям в условиях войны; выделить критерии оценки матросом командиров; выявить особенности портретных зарисовок и психологических характеристик легендарных командиров Северного флота: адмирала А. Г. Головко, командиров подводных лодок Ф. А. Видяева, И. И. Фисановича, В. Н. Хрулева, Н. А. Лунина, К. М. Колосова; установить ценностные ориентиры и факторы, влияющие на создание авторитета командира или его разрушения/«падения» в глазах бойцов; отметить бытовые практики, которые использовались командирами для облегчения существования бойцов в экстремальных условиях войны; выявить специфику межличностных отношений в экипажах подводных лодок в годы войны; описать образ «идеального» командира, созданного воображением матросов на основе синтеза черт реальных боевых командиров.

Фронтovиками командирами и матросами Северного флота в годы войны был накоплен бесценный опыт создания адекватной военной обстановке психологического климата в командах подводных лодок, выработаны способы разрешения конфликтных ситуаций, наработаны бытовые практики, разряжающие обстановку в экстремальных условиях. Командиры бригады подводных лодок СФ («бати»), как и высший командный состав СФ («обербати»), являлись непререкаемыми авторитетами для подчиненных. В этой связи актуальны вопросы: как именно этот авторитет завоевывался, из чего складывался; можно ли говорить о формировании особой культуры взаимоотношений на флоте и в чем именно она состояла.

Важнейшие, напрямую влияющие на боеспособность армии проблемы межличностного общения военнослужащих в экстремальных условиях войны и роли командиров в создании сплоченных воинских коллективов мы предлагаем рассмотреть на материале военных дневников матроса-подводника Северного флота, участника Великой Отечественной войны Г. И. Сенникова. В архиве Лаборатории народной культуры НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г. И. Носова хранятся электронные копии 3-х военных дневников матроса-подводника, штурманского электрика подводных лодок «М-107» («Новосибирского комсомольца») и «М-119» Г. И. Сенникова. Первый дневник можно считать фронтовым, так как он охватывает события войны на Севере (Мурманск, Полярное – Северный флот) с августа 1943 г. по май 1944 г. [16]. Вторым и третьим дневники велись уже в Крыму, куда «Малютки» с экипажами были переправлены в мае-июне 1944 г. уже после освобождения полуострова [17; 18]. Дневники представляют собой общие тетради формата А5, исписанные мелким уборым почерком. Первый северный дневник был переписан из черновика, который частично сохранился, уже в Крыму в период с конца 1944 г. по 1946 г.

Материал этих дневников Георгий Иванович использовал при написании документальной повести «Выстрел в бухте», опубликованной в Свердловске в 1969 г. [10]. Понятно, что эта повесть прошла жесткую самоцензуру и цензуру советского издательства, поэтому очень многие события, описанные автором в дневниках, остались «за кадром». Незадолго до смерти, уже во второй половине 80-х годов XX в., Г. И. Сенников предпринял новую попытку опубликовать свои воспоминания. К сожалению, его воспоминания «Малютка уходит в море», машинописный текст которых составляет 157 с. формата А4, так и не были опубликованы [11]. В рамках работы над проектом «Челябинская область в Великой Отечественной войне на Севере (по дневникам 1943-1946 гг., документальным повестям матроса-подводника Северного флота Г. И. Сенникова и архивным документам)» в 2021 г. мы планируем опубликовать ранее не изданные военные дневники, воспоминания и документальные повести Г. И. Сенникова.

Военные дневники и воспоминания матроса-подводника Г. И. Сенникова исследуются с помощью современных историко-антропологического и историко-психологического подходов с применением метода источниковедческого анализа и биографического метода. Актуальность нашего исследования обусловлена еще и тем, что историко-антропологическое и историко-психологическое исследование новых эго-документов является важнейшим ресурсом для понимания современности и социального прогнозирования.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы и полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения истории войны на Севере, при написании учебных пособий по истории, при разработке общих и специальных лекционных курсов, и семинаров, при создании выставок, посвященных войне.

Образы командиров Северного флота: критерии оценки, особенности характеристик

В военном дневнике Г. И. Сенникова встречаются образы сослуживцев – матросов и командиров бригады подводных лодок Северного флота (1943-1944 гг.) и Черноморского флота (1944-1945 гг.). Специфика эго-документов

Г. И. Сенникова в аспекте изучаемой проблемы заключается в том, что перед нами взгляд матроса, простого человека, волею судьбы ставшего вдруг военным моряком, а не командира – профессионального военного. Текст Г. И. Сенникова – это рефлексия рядового краснофлотца относительно человеческих связей в экстремальных условиях, что дает дополнительный материал и пищу для размышления над проблемой взаимоотношения командиров и бойцов, позволяет взглянуть на нее с другой стороны, со стороны подчиненного, как бы «снизу», выделить критерии оценки матросом командиров, ценностные ориентиры и факторы, влияющие на создание авторитета командира или его разрушения/«падения» в глазах бойцов.

Образы командиров, встречающиеся в эго-документах Г. И. Сенникова, объемны, реалистичны, яркие и документально детализированы. На страницах дневника присутствуют внешние портреты и внутренние психологические характеристики командиров. На наш взгляд, одним из проблемных вопросов, которым задается автор и который создает энергетический центр аналитико-философской линии повествования, является вопрос, каким должен быть командир. Почти «идеальным» (идеализированным) в эго-документах Г. И. Сенникова является образ капитана-лейтенанта Константина Михайловича Колосова, командира ПЛ «М-119», под руководством которого молодой штурманский электрик участвовал в тяжелых боях 1944 г. за Северные территории. Колосов в дневнике молодого матроса не тип, а яркий характер. Страницы, посвященные ему, скорее всего, появились уже в Крыму, после расставания с любимым командиром, который остался на Севере и принял командование подлодкой «С-51». Это во многом объясняет ту тщательность, мастерство и любовь, с которыми прописан этот образ. Он создавался «по памяти» и для памяти. Субъективность, безусловно, присутствует, потому что образ не просто списан с конкретного человека, а отражает благоговейно-восхищенное отношение к нему благодарного матроса, оставшегося в живых. Близки к «иконическим» образы погибших боевых командиров, ставших легендами Северного флота, Израиля Ильича Фисановича (командир «М-172» и «Л-20») и Федора Алексеевича Видяева («Щ-421», «Щ-422»). Благоговейное восхищение матроса передается и в записях, посвященных командующему Северным флотом ВМФ СССР во время Второй мировой войны адмиралу Арсению Григорьевичу Головки. Но не все образы командиров в дневнике Г. И. Сенникова так однозначно положительны и непротиворечивы.

Анализ страниц дневника, посвященных этим командирам-подводникам, может дать ответ на вопрос, что матросы ценят в командирах. По понятным причинам важнейшим критерием для оценки командира является его отношение к матросам. Прежде всего отметим своеобразный «патернализм» властных отношений, установившихся между командирами подлодок СФ и их подчиненными. Можно говорить даже о «семейственности» межличностных отношений внутри экипажей. Своих командиров матросы-подводники называли не иначе как «батя» («Наш батя» [16, с. 86]; «Их батя» – о командире другой подводной лодки [Там же, с. 148]) или «обербатя» («Утром приехал обербатя бригады Колышкин» [Там же, с. 203]).

В своем дневнике, в воспоминаниях и в документальной повести Георгий Иванович неизменно подчеркивал, что команда подводной лодки – это семья, а командир в этой семье – отец: «Команда подводной лодки – это маленькая семья, где есть старшие и младшие, но все члены ее связаны какими-то особенными, прочными узами. И старший в этой семье, ее *отец и начальник – командир лодки*. Его даже так и зовут – *батя*, вкладывая в это слово и признательность, и любовь, и нежность» [Там же, с. 85]. Соответственно, главное качество отца-командира – ответственность и забота о своих подчиненных: «О матросах заботится, как о собственных детях, готов отдать им последние брюки. Он так и поступил, когда на лодку вернулся радист Женька Е. из штрафного батальона в солдатском балахле и его срочно нужно было экипировать на морской лад» [Там же, с. 87]. В этом эпизоде речь идет о том, как К. М. Колосов встретил вернувшегося из штрафного батальона из-под Сталинграда на ПЛ «М-119» радиста Евгения Ильича Ефремова. Самого Георгия Ивановича, попавшего на ПЛ «М-119» с «М-107» в феврале 1944 г., команда лодки признала только после «инициальной» проверки первым боевым походом и характерного, семиотически-значимого жеста-принятия от командира: «Мне никогда не забыть, как присматривались ко мне ребята, когда меня перевели к ним с “семерки” после гибели Васильева. Я понимал их тогда и не обижался за придирчивость. И какой радостью было для меня рукопожатие командира после первой победы, первой атаки, в которой я участвовал на их лодке. Этим пожатием он принимал меня в их семью, и я помню, как заблестели глаза всех ребят, как каждый из них потянулся ко мне, чтобы сказать что-то хорошее» [Там же, с. 85]. Здесь уточним, что у такого «сыновнего» отношения краснофлотца Г. И. Сенникова к своему командиру, кроме объективных причин, связанных с традициями ВМФ, были еще и субъективные причины: буквальное «сиротство» Георгия Ивановича, росшего без отца и рано потерявшего мать, о чем мы уже писали [7, с. 114-115].

Матросы хотят видеть своих командиров строгими, но справедливыми. Скорее всего с этим связано неоднократное описание автором дневника ситуаций, когда командир по-отечески отнесся к «нашкодившим» матросам, нарушившим внутренний распорядок. В своем дневнике Георгий Иванович довольно откровенно рассказывает о проблеме пьянства среди матросов. Дело в том, что матросы и командиры не позволяли себе употреблять фронтные «100 граммов» во время боевых походов в море, но после возвращения на берег, выходя из стрессовой ситуации, иногда «наверстывали упущенное» с лихвой. 5 марта 1944 г. в дневнике Г. И. появляется такая запись: «Мы с Сашкой уединяемся от общего гвалта. Пьем мою порцию и изливаем друг другу накопившееся. Водки мало. Махнув рукой, я достаю выданный на поход спирт (для протирки перископа). Распиваем и его. Дальнейшее – как в тумане... <...> Потом нас за каким-то чертом понесло на “Гремящий”, и здесь мы, подняв вселенский хай, нарвались на командующего флотом адмирала Головки. Он отнесся к нам по-отечески,

но не забыл этой истории, когда экипаж награждали орденами» [16, с. 81]. Как считал Георгий Иванович, именно из-за этой истории он не получил орден, когда в мае 1944 г. всех членов команды награждали перед переборской на ЧФ. «Наказание» матрос воспринял как справедливое: «Началась процедура вручения орденов и медалей. Мне вручили медаль “За отвагу”. Все-таки история встречи с командующим на “Гремящем” не прошла даром, и орден мой накрылся безвозвратно. Немножко обидно. Толя Чекарев, наш корабельный пиит, не замедлил откликнуться на это происшествие стихами, иронией по-матросски: “Всегда вперед, назад ни шагу! Медаль получишь “За отвагу”!”» [Там же, с. 203] (Чекарев Анатолий Иванович – командир отделения рулевых «М-119»).

Отцовские черты в характере адмирала Головки Г. И. Сенников отметил в воспоминаниях «Малютка уходит в море», в которых он восстанавливает в памяти курьезную историю с женским общежитием: «А вчера наши мальчики нашумели в каком-то женском общежитии – разобрали печную трубу на крыше, после того как их не пустили в дом, – и это печальнее всего. Теперь до “*попечителя*” дойдет и будут неприятности. *Батя ходит злой*. И то сказать – событие воистину “героическое”!» Далее рассказывается о встрече экипажа с командующим флотом адмиралом Головки. По воспоминаниям Георгия Ивановича, Головки сказал: «Ну-ну! Интересно, а сколько бы вам потребовалось времени, чтобы все общежитие раскатать по бревнышку?» – рассмеялся и прошел мимо. Из этого эпизода автор делает такой вывод: «Случай сам по себе пустяковый, но Головки в нем как в зеркале: строгий и справедливый, простой и бесконечно сложный» [11, с. 132].

Отдельно Георгий Иванович отмечает особую любовь адмирала к подводникам, его неравнодушие к бытовым нуждам, жизни и даже семейным делам простых матросов: «Головки постоянно интересуется нашим *жизнем-бытием*, старается удовлетворить все наши нужды. Он частенько *заглядывает в кубрики* береговой базы, *разговаривает с матросами, интересуется домашними делами*, хотя у него и своих дел, конечно, по горло. Он – командующий флотом, куда входят и надводные корабли, и авиация, и морская пехота, и еще сотни всяких подразделений и служб. Проще – *он основа всему*» [Там же, с. 133].

Важными составляющими кодекса чести и маркерами культуры морского офицера являются уважение личности матроса, умение общаться с ним на равных в бытовой стандартной обстановке и официально-строго и даже жестко в ситуации боя. Прирожденную скромность, дружелюбие, способность не просто «снизойти» до подчиненного, а доступно и ясно объяснить матросам сложные военно-стратегические и технические моменты отмечает Г. И. Сенников в характере И. И. Фисановича: «А как внимательно он относился к нам, матросам! К нему можно было прийти с любым делом, самым незначительным, и всегда он выслушает, серьезно обдумает и даст дельный совет. Помню, решали мы как-то в кубрике проблему, почему так часто идут в Баренцевом море караваны вражеских судов?.. Что здесь, на Севере, нужно немецким торгашам? Думали, гадали и пошли к Фисановичу. Он тут же принес в наш кубрик карту. Развернул: “Смотрите”... И все сразу стало на место» [Там же, с. 66]. Создавая психологический портрет легенды советского флота, Георгий Иванович подчеркивает общую культуру, тактичность и творческую одаренность командира: «Присматриваясь к Фисановичу, я часто думал, что этот человек не может не писать. Позже выяснилось, что мои предположения были верными» [Там же]. Но особенно поражает Г. И. совсем «негероическая» внешность Фисановича, «какая-то виноватая улыбка» командира лодки, вернувшейся с блестящей победой, способность «смущаться и по-мальчишески краснеть»: «Все-таки море порядком огрубляет людей, во всяком случае, внешне. А Фисанович – *воплощение мягкости, вежливости и внимательности*. Оставаясь моряком, он никогда не переставал быть интеллигентом, человеком высокой культуры не только в знаниях, но и в поведении. Этот боевой офицер, пустивший на дно тринадцать вражеских кораблей, *мог смущаться и по-мальчишески краснеть из-за пустяков*» [Там же] (Фисанович Израиль Ильич – командир «В-1», погибший с лодкой в июне 1944 г.).

Несоответствие внешнего и внутреннего часто подчеркивается автором эго-документов. В реальной жизни, на взгляд матроса, легендарные командиры выглядят совсем не как галерейные «фото-герои». О Колосове читаем: «Командир произвел на меня двойственное впечатление. Я знаю, что это настоящий боевой командир... <...> А вот внешне он какой-то совсем “не морской”: китель сидит мешковато, в движениях медлителен, говорит вяло, как бы нехотя» [Там же, с. 9]. Поражает матроса трансформация, преобразование, которое происходит с командиром во время боя: «Я невольно отмечаю перемену, происшедшую с ним. От его обычной медлительности не остается и следа» [Там же, с. 58]. И после удачной атаки: «Командир опять прежний, “мирный”. Он добродушно улыбается, подтрунивая над “фонарем” Шестакова» [Там же] (Шестаков Иван Федорович – рулевой ПЛ «М-119»). Рассказывая о своем командире в дневнике и воспоминаниях, Георгий Иванович выражает свое несогласие с «ура-патриотическим» описанием войны, подчеркивая, что даже приказы во время боя отдаются совсем не так, как об этом пишут в официальной прессе, фронтовых газетах, и языковое поведение командира очень далеко от идеала, что не мешает матросам понимать его и мгновенно реагировать: «А интересно, правда это или нет, что командир на сухопутном фронте, поднимая бойцов в атаку, обязательно выкрикивает всякие лозунги? В газетных статьях, во всяком случае, это обязательно так. “За Родину!” <...> А вот наш *батя*, говорят, во время атаки *такие “лозунги”* у перископа произносит, *что их ни в одной статье не поместишь*. А вражеские корабли топят – только держись!» [Там же, с. 79].

Неповторимая личностная харизма и обаяние как отличительные качества характера Ф. А. Видяева запечатлены в эго-документах Г. И. Сенникова. Он вспоминает дружбу командиров СФ: «Образ Видяева у меня постоянно связывается с двумя другими командирами подводных лодок Шуйским и Каутским. Почему? Трудно объяснить. Но это так. Я много раз встречал их – Видяева, Шуйского, Каутского – у наших “малюточных” командиров. Вероятно, все они были не только выпускниками одного училища, но и однокашниками» [Там же, с. 19]

(Видяев Федор Алексеевич – командир «Щ-422», погибший с подводной лодкой в июне 1943 г. Шуйский Константин Матвеевич – командир «Щ-403», погибший с лодкой в октябре 1943 г. Каутский Александр Моисеевич – командир Щ-402, погибший с лодкой в сентябре 1944 г.).

Фронтвик вспоминает, что «больше всех нам нравился Видяев. Федя Видяев, как звали его офицеры», и восстанавливает в памяти его образ, особенно выделяя «обаятельность его личности: открытой, юношески задорной, по-взрослому мудрой и чуткой, мгновенно реагирующей на чужую радость и горе, чьи-то неудачи и хлопоты, а главное – на любую болячку каждого члена своего экипажа, да и любого матроса бригады» [Там же]. «Есть такие счастливые натуры, от которых, как от солнца, постоянно излучаются свет и тепло», – пишет Георгий Иванович, воссоздавая образ Видяева [Там же]. Именно этими качествами командира автор объясняет тот факт, что первый памятник командиру ПЛ СФ в Полярном 6 ноября 1943 г., еще во время войны, был поставлен именно Видяеву: «Мало ли было других, казалось бы, не менее достойных и тоже ушедших от нас: Гаджиев, Котельников, Уткин... А памятник поставлен ему – Феде Видяеву» [Там же].

Авторитет командира ВМФ в глазах матросов усиливали такие качества моряка, как бесстрашие, храбрость, беззаветная отвага, презрение к опасности, своеобразная бравада, рискованность, мужественность, сила. Все они создавали особый морской офицерский шик. Именно такой своеобразный морской шик, презрение к опасности и даже бесшабашность в хорошем смысле этого слова подчеркивается Георгием Ивановичем в характере командира «М-105» Хрулева Виктора Николаевича: «Человек он внешне неказистый – низкорослый, сугуловатый, лицо круглое, в крупных складках-морщинах – глаза еле видны, одет всегда небрежно, но, как говорят матросы, *кремень-дядя*. Вначале они сомневались в нем, пока он в первом же походе весной этого года лихо, как на полигоне, не грохнул фашистский транспорт в Варангер-фиорде. Главное – ни одной бомбы на них. Ребята восторженно рассказывали: “Утопил транспорт – и хоть бы что! Как будто стакан чаю выпил! Во человек!”. И действительно, *нервы у него железные*. Вспомнился такой случай: возвращался как-то Хрулев домой (мы жили тогда в двухэтажном доме в Росте под Мурманском, пока наши лодки стояли в доке). Фрицы в ту ночь что-то особенно старались: бомбежка за бомбежкой. Виктор Николаевич по обыкновению на такую чепуху внимания не обращал, пока у его ног не шлепнулся в снег неразорвавшийся зенитный снаряд. Подождав, пока тот окончательно остынет, Виктор Николаевич взял его подмышку, принес домой и сунул своему соседу – нашему бывшему командиру Павлуцкому – под подушку. Ложась спать, Павлуцкий, конечно, обнаружил “подарок”. Шум был великий. Хрулев же только посмеивался: подумаешь, шуток не понимают! Нам, во всяком случае, эта “шутка”, понравилась. Нет, не по отношению к Павлуцкому. По отношению к бомбам, минам, снарядам и т.д., короче говоря, – *к опасности*» [Там же] (Павлуцкий Даниил Абрамович – командир отдельного дивизиона строящихся подводных лодок).

Записи фронтвого дневника Г. И. Сенникова содержат еще одну зарисовку, посвященную «кремень-дяде» Хрулеву, которая позволила нам выделить дополнительно один важный критерий оценки матросами личностей командиров СФ. Речь идет о зависимости-независимости от алкоголя (равнодушии или пристрастии). В дневнике Георгий Иванович в очень некомплементарной манере рассказывает о пагубной привычке командира – его пьянстве и выходках в состоянии алкогольного опьянения: «Командир пятерки, капитан III ранга Х. – большой оригинал. Особенно в пьяном виде. А прикладывается он таки часто. Однажды к нам прибежали матросы с эски. “Заберите, – говорят, – своего командира. Он у нас уже второй час сам себе по телефону звонит”. Мы ни черта не поняли, но пошли. Оказалось, верно: стоит Х. около телефона, периодически снимает трубку и требует у “барышни” собственную каюту. Вероятно, “барышня” отвечает, что абонента нет на месте, потому что Х. каждый раз говорит: “Ничего, я подожду”, – вешает трубку и действительно ждет. И еще два часа нам потребовалось на то, чтобы убедить его, что капитан III ранга Х. – это он сам, собственной персоной!» [16, с. 112].

Кстати, факты, подтверждающие достоверный характер этих записей матроса Г. И. Сенникова и объективность его оценки личности командира, мы нашли в статьях современных исследователей [13; 19, с. 120]. Поведение командира в повседневной жизни, его пьяные выходки на берегу вызывают у автора дневника сложный комплекс чувств: и восхищение, даже восторг, и осуждение, порицание. Характерно, что то, что матросы готовы были «простить» себе, они не прощали боевым офицерам. О своем командире К. М. Колосове матрос Г. И. Сенников с гордостью пишет: «И еще одно. Ему случалось пить за нашим столом, но никогда он не забывал, что он командир и поэтому должен служить образцом. Пьяным его не видел никто (не как командира пятерки Х.)» [16, с. 86].

Феномен авторитета командира в эго-документах Г. И. Сенникова

Все вышеуказанные критерии оценки матросами командиров безусловно влияют на создание авторитета командиров. Но все же определяющим фактором, создающим авторитет руководителя боевой единицы либо разрушающим его, является поведение во время боя. Злободневность и острота рефлексии комбатанта относительно авторитета командира, его прав и обязанностей, личностных качеств и межличностных отношений в воинском коллективе продиктована как объективными причинами: от этих качеств зависит жизнь бойца, это, по сути, вопрос жизни и смерти, так и довольно субъективными: в процессе самоидентификации, построения собственной личности важно иметь ориентир, положительный образец перед глазами. В этом смысле командир должен быть эталоном.

Самым значимым и жизненно важным критерием оценки личности командира, конечно, являются его боевые качества, а именно: профессионализм, тактика ведения боя, быстрота реакции, находчивость

в экстремальных ситуациях, результативность. В своем дневнике Г. И. Сенников уделяет особое внимание профессиональным качествам боевых офицеров, историям победных походов лодок под их командованием. В эго-документах Г. И. Сенникова создаются почти «иконические» образы легендарных командиров-подводников, уже ушедших из жизни к тому периоду, когда автор начал вести свои записи. Краснофлотец производит отбор черт характера и результатов деятельности И. И. Фисановича и Ф. А. Видяева, как нам кажется, для того, чтобы сохранить память о них. Конечно, Георгий Иванович не мог не упомянуть о знаменитом переходе поврежденной «Щ-421» под парусом вдоль берегов противника: «А он, Федор Видяев, нашел простой и гениальный выход из положения: из дизельных чехлов спустили парус и подняли его на перископе, как на мачте. И побрели себе потихоньку от вражеских берегов подальше в море... Говорят, *Видяева последним (как и полагается командиру)* чуть ли не силой заставили покинуть гибнущую лодку. Он плакал...» [11, с. 20]. Вспоминал Георгий Иванович и о бесперископной атаке «Щ-422» под командованием Видяева, выделяя при этом героизм, находчивость, смекалку, способность взять на себя ответственность и верность традициям ВМФ как отличительные качества командира. С таким же восторгом вспоминает Георгий Иванович и подвиги «М-172» Фисановича: «“М-172” носила на рубке цифру “13”. Тринадцать потопленных кораблей, десятки походов, самых невероятных историй и критических ситуаций, о которых взахлеб рассказывали на бригаде – вот чем была “М-172”. Именно на ней получил Фисанович Героя, а матросы его столько орденов и медалей, что смотреть было страшно. Не люди, а ходячие иконостасы. Да и было за что. Лодка Фисановича была для всей бригады своеобразным символом непобедимости» [Там же, с. 31].

Высоко оценивает Георгий Иванович и боевые качества своего командира – командира «М-119» К. М. Колосова: «Ум, храбрость и расчетливость – вот основные его качества как военного моряка» [16, с. 86]. В воспоминаниях читаем: «Колосов решил иначе. Величина отлива и прилива в Баренцевом море – семь метров (по три с половиной от нуля). При полном отливе мины и антенны не обнажаются, следовательно, над ними есть еще запас воды. Перископная глубина “малютки” около семи метров. А раз так, то при полной воде она смело может пройти поверх мин. Так наш батя и сделал. Проложив первый “фарватер” над минным полем, он гулял затем по нему, как по Невскому, вопреки инструкциям и строжайшим приказам» [11, с. 124].

Краснофлотец прекрасно понимал специфику подводной войны и роль и функции командира подводной лодки в ситуации боя: «Не очень-то весело сидеть и ждать, когда в тебя пустят торпеду. Невольно завидуешь солдатам сухопутных войск: там каждый участвует в бою и может ответить выстрелом на выстрел, а что можем сделать мы в наших герметически закупоренных отсеках? *Ведь по сути дела сражается только командир. Он – с немцем, один на один!*» [Там же, с. 117]. И еще: «Конечно, в атаке участвует весь экипаж. <...> Но как бы мы ни старались на своих боевых постах, торпеды пройдут мимо цели, если командир не смог правильно вывести лодку на боевой курс, если он неверно сделал расчеты атаки. Вот почему *мастерство командира решает все*» [Там же, с. 110]. Матросы-подводники ценят в командирах внутреннюю харизму, способность «держаться» команду, внушать экипажу спокойствие и уверенность в ситуации боя: «Голос командира! Он единственный источник, из которого мы продолжаем черпать силы. Достаточно услышать его – спокойный и уверенный, чтоб частица этой уверенности неизменно передалась тебе» [16, с. 73].

Для матросов-подводников, понимающих, что, по сути, «сражается только командир» и «мастерство командира решает все», последний становится непререкаемым авторитетом. Можно даже говорить о своеобразной «сакрализации» командиров в глазах подчиненных. Обратной стороной этой сакрализации, ее последствием можно считать явление почти суеверного страха потери командира. Мы уже писали о флотских приметах, связанных с переходом командира на другую лодку, что среди моряков трактовалось как знак, предвещающий несчастье [9, с. 200]. Г. И. Сенников описывает две такие ситуации. Первая связана с историей гибели «М-172», произошедшей, как считали подводники СФ, из-за перехода командира И. И. Фисановича на другую лодку. Вторая связана с переходом командира «М-119» Колосова К. М. на «С-51». Процесс расставания командиров со своим экипажем был болезненным для обеих сторон. В дневнике очень скупо через действие выражаются переживания командира при расставании с командой: «Прощаемся с Колосовым. Всем нам, как и ему, тяжело расставаться. <...> В последний момент батя забирает у всех нас краснофлотские книжки и отдирает с них фотографии» [16, с. 198].

Фронтные бытовые практики на Северном флоте

Дневник Г. И. Сенникова содержит богатый материал для анализа бытовых фронтных практик. Здесь мы не будем подробно касаться этого вопроса, укажем только на те бытовые практики, которые использовались командирами для облегчения существования бойцов в экстремальных условиях войны, должны были настроить их на переключение, отдых, эмоциональную разрядку, а заодно и спланировали коллектив. В число таких практик входят знаменитые «банкеты с неизменным поросенком» для пришедших из боевых походов с победой экипажей подводных лодок – традиция, закрепившаяся на СФ по инициативе командующего флотом адмирала А. Г. Головки. Юный подводник отмечает: «Банкет мне не понравился: как-то слишком уж все чинно, официально. То ли дело ночное бдение – какое-то теплое, чистое и откровенное. Это – из неповторимого... <...> И было даже как-то странно *обнаружить* вдруг в седом, увешанном орденами подводнике, *живом носителе легенд, просто человека, который может от души хохотать, рассказывая бородатый анекдот*» [11, с. 65]. Заботился о досуге матросов и командир бригады ПЛ СФ с января 1943 г. Иван Александрович Колышкин:

«Недавно Колышкин устраивал *вечер вопросов и ответов*. Хорошие это вечера. Вероятно, *так должен поступать каждый командир: это так сблизает*. Не обходится, правда, и без курьезов. В прошлый раз, когда батя рассказывал о новой манере присваивать военным частям наименование городов, при взятии которых они отличились, группа матросов из штрафного, только что вернувшись с Рыбачьего, спросили: “А вот мы сопку у немцев взяли, называется Яицо, какое нам название будет?”. Зал хохотал битый час» [Там же, с. 179]. Кроме банкетов в честь побед, вечеров ответов и вопросов в своем дневнике подводник фиксирует такие формы работы с экипажами, как концерты, встречи с шефами лодок, просмотры фильмов, коллективное чтение, конкурс на лучший эскиз памятника, собрания коллективов.

Культура взаимоотношений военнослужащих и конфликтные ситуации

Говоря об общей культуре взаимоотношений военнослужащих СФ, нельзя обойти вниманием характер и формы разрешения конфликтных ситуаций, отраженные в эго-документах Г. И. Сенникова. Отметим, что в дневнике не зафиксировано ни одного конфликта между матросом и офицером-командиром ПЛ и выше, то есть старшим офицерским составом. Есть упоминания о двух конфликтах. Один произошел на СФ между Васильевым Яковом Афанасьевичем, 1920 г.р., старшиной 2 статьи, командиром отделения штурманских электриков подводной лодки «М-119» и краснофлотцем Сикорским. В результате этого конфликта 12 февраля 1944 года Васильев был застрелен. Так Георгий Иванович попал на «М-119», где занял место штурманского электрика. Этот конфликт и его осмысление в эго-документах Г. И. Сенникова (от черновика к дневнику – через сам дневник – к повести «Выстрел в бухте») мы подробно рассмотрели ранее [8, с. 626-627].

Второй конфликт, упоминаемый Г. И. Сенниковым, произошел между двумя командирами. В феврале 1944 г. в дневнике Георгия Ивановича появляется такая запись: «Красота к красоте. Красота есть добро? Командир “К-21” – Лунин – личность легендарная. Он торпедировал “Тирпица” и получил за это героя. Дела человека создают истинную красоту. Или иллюзию ее? Лунин страшно некрасив. Черномазый, скуластый, медведеобразный. По внутренним качествам – циник и пройдоха. Кем бы он был, не будь войны? А сейчас на него смотрят, как на чудо. И не только сопливые девчушки из Старого Полярного, но и мы... Героизм? А черт его знает!

А вот командир “С-У”. Он немец по национальности, и на счету его подводной лодки около десятка потопленных кораблей его же сородичей. (Вероятно, немцы – прирожденные подводники.) Несколько дней тому назад он застрелился. Застрелился оттого, что тот же Лунин сказал ему по пьянке какую-то гадость по поводу его национальности. А это что? Море! Море и море. И люди» [16, с. 50].

Отдельного комментария требует эта дневниковая запись. Одного из героев идентифицировать легко. Лунин – это Лунин Николай Александрович (21.08.1907 – 17.11.1970), легендарный подводник Северного флота. В дневнике Георгия Ивановича описан конфликт Лунина с командиром «С-15». Речь идет о Мадиссоне Александре Ивановиче, 1909 г.р., капитане 3 ранга, командире «С-15», который покончил жизнь самоубийством, застрелившись 24 февраля 1944 года. 20 февраля 1944 года «С-15» вышла в боевой поход [2, д. 4. л. 103]. Подводная лодка должна была действовать в районе Порсангер-фьорда в рамках операции «РВ-2» (сектор «Н»). Через двое суток от субмарины поступила радиограмма о болезни командира (Мадиссон опасался повторения у себя инфаркта, который имел место в 1938 году). Субмарине было дано «добро» вернуться. На следующий день после возвращения лодки в базу её командир застрелился. В предсмертной записке он указал: «Не могу перенести позорных кличек “трус”, “шкура” и т.д., которыми забросали старшие товарищи при возвращении с моря, а некоторые просто сказали “лучше бы ты умер”. Как обстояло дело, я доложил, кроме этого могут рассказать те, кто были со мной в море. Позорные клички просачиваются в личный состав, который я люблю и который может после этого мне не доверять в бою» [5; 6]. Георгий Иванович зашифровал номер лодки и не написал фамилию застрелившегося командира, скорее всего, по цензурным соображениям.

В дневнике Георгий Иванович переставляет событие на более ранний срок (до 12.02.1944), хотя и относит его к февралю, и дает свою версию произошедшего. Точно ответить на вопрос, откуда именно взялась эта информация и насколько она соответствует действительности, на данном этапе исследования не представляется возможным. В качестве версии можем предположить, что ее источником могла быть подруга Георгия Ивановича, неоднократно упоминаемая Терентьева Зоя Афанасьевна (в дневнике «Зойка», «Жойка», «Пушистая шапочка»), служившая, как нам удалось установить, писарем при штабе в отделе кадров бригады подводных лодок СФ [1]. На сегодняшний момент нет документальных подтверждений версии произошедшего, запечатленной в дневнике.

Еще раз оговоримся, что военные дневники Г. И. Сенникова – это частные эго-документы, создававшиеся не для печати и фиксирующие субъективное понимание происходящего. В записях Георгия Ивановича отражается то, что говорили и как понимали события войны простые матросы исходя из своих источников. В неопубликованных воспоминаниях «Малютка уходит в море» о Лунине написано только одно предложение: «А вот Лунин мне не нравится: холоден, резок, высокомерен. Впрочем, я слишком мало знаю его, чтобы судить верно» [11, с. 69]. Мы видим, что в эго-документах Г. И. Сенникова Лунин всегда сопоставляется с кем-то (с А. И. Мадиссоном в дневнике, с Ф. И. Лукьяновым, командиром «М-104», в повести), но это сопоставление всегда не в его пользу. Хотя, чтобы соблюсти объективность, автор оговаривается: «...я его мало знаю, чтобы судить верно». В любом случае передается негативное впечатление. Скорее всего, из-за цензурных соображений фронтовик убрал из текста воспоминаний причину своего столь негативного отношения

к Лунину – историю с Мадиссоном, описанную в дневнике, но в подтексте и в эмоциональном восприятии автора она осталась.

Образ «идеального» командира в дневнике Г. И. Сенникова

Поиск ориентиров, образцов для подражания среди командиров Великой Отечественной войны венчает образ «идеального» командира, «бати», который появляется в третьей крымской тетради дневника Г. И. Сенникова уже после войны. В крымском дневнике Г. И. Сенникова отражена сложнейшая проблема «выхода из войны», требующая более пристального рассмотрения в аспекте военной антропологии. Георгий Иванович рассказывает о своем споре о матросах и командирах с другом Валентином Бурановым (фамилия появляется в воспоминаниях), курсантом Каспийского военно-морского училища. «Очень жаль, что у нас офицеры слишком мало уделяют внимание воспитанию матросов», – заявляет Валька об офицерах ЧФ (запись от 8 апреля 1946 г.) [18, с. 127].

Друг рассказывает Г. И. Сенникову о механике Арбузове, идеальном командире, который смог «сколотить» лучший экипаж на Каспии благодаря своим личностным качествам. Подчеркиваются душевные качества командира, его отцовское отношение к матросам. Он был командиром «с душой, не то, что наши ходячие уставы... <...> Он был отцом матросам». Любимой фразой-обращением к команде у Арбузова была: «Сынки! Есть кровавый вариант!». «Сынки выслушивали вариант, затем во главе с батей снимали робы и лезли в машину» [Там же]. «И не было нигде такой дружной, спаянной команды. Там люди не страдали от гнета дисциплины, но дисциплина была, крепкая, сознательная» [Там же, с. 128].

Далее Г. И. Сенников со слов матроса Вальки, как он его называет, записал в свой дневник следующую историю: «Арбузов был в Испании. Он был механиком соединения торпедных катеров, посланных в помощь республиканцам. Команды катеров были смешанные: из русских и испанских моряков. В то время испанцам не давал покоя крейсер мятежников, какой-то “Сирвало-Нарвало” что-ли. Он каждую ночь обстреливал Барселону, а днем прятался в порту за боновым заграждением. Арбузов решил утопить его во что бы то ни стало. К его затее отнеслись скептически. Тогда он собрал матросов и сказал им: “Мальчики! Есть кровавый вариант”. Мальчики выслушали, а потом вытащили руками катера на стенку и за один день приделали им на днища под винты и рули стальные салазки. А на следующую ночь катера на полном ходу с помощью этих салазок перескочили через боновое заграждение в бухте, где стоял крейсер, и утопили его прямо у стенки. За это Арбузов получил высший испанский орден “Лавры Мадрида” и такой авторитет среди испанских моряков, какой не имел ни один собственный адмирал» [Там же, с. 129].

Арбузов из зафиксированного в дневнике рассказа матроса Вальки, – это, скорее всего, художественный образ, выдуманный персонаж, в котором воплотилась мечта матросов об идеальном командире – настоящем «бате». Фамилия «Арбузов» ассоциируется с Владимиром Антоновичем Алафузовым, советником комфлота в Испании, отвечавшим за поставку советских торпедных катеров в Испанию. Механиком отряда советских торпедных катеров в Испании был воентехник 1 ранга Алексей Константинович Еремин (награжден орденом «Красного Знамени», а не испанским), в 1944–1945 гг. был дивмехаником в 1 Бригаде Торпедных катеров ЧФ (откуда Валька и мог слышать про Испанию). Уточним, что А. К. Еремин никогда не служил на БО «Минёр», упоминаемом в рассказе матроса. Таким образом, Арбузов – это созданный воображением матросов собирательный образ идеального командира, имеющий прототипами двух реальных людей: В. А. Алафузова и А. К. Еремина.

Заключение

Таким образом, у читателей эго-документов Г. И. Сенникова постепенно формируется понимание ключевой роли командира подводной лодки в деле борьбы с флотом противника. Непосвященному человеку становится ясно, какими моральными и деловыми качествами должен был обладать командир (на матросском жаргоне – «батя»). Как глава семьи, он должен был заботиться о подчиненных, интересоваться их жизнью, воспитывать экипаж, при этом проявлять строгость и справедливость. Ценились на флоте, создавая особый морской офицерский шик, и такие психологические качества, как бесстрашие, отвага, презрение к опасности, рискованность, мужественность, сила. Важнейшими критериями оценки личности командира в эго-документах Г. И. Сенникова являются: «отцовские» качества командира (способность в буквальном смысле заменить отца); уважение/неуважение к личности матроса; поведенческие реакции в ситуации боя (способность/неспособность сохранять хладнокровие в критической ситуации); зависимость/равнодушие к алкоголю.

Авторитет командира завоевывался в экстремальных ситуациях в походе, где руководитель боевой единицы должен был продемонстрировать профессиональную компетентность, отличное знание тактики ведения подводного боя, устройства корабля, оружия, а также способность брать на себя ответственность за принимаемые решения и за жизнь экипажа. Все эти качества, которые присутствовали в характерах и поведении легендарных командиров Северного флота Ф. А. Видяева, И. И. Фисановича, В. Н. Хрулева, К. М. Колосова, адмирала А. Г. Головки и были зафиксированы в эго-документах матроса-подводника Г. И. Сенникова, создавали особый образ офицера подводного флота в глазах рядовых краснофлотцев, обеспечивали «непререкаемость» их авторитета, уважение и признание подчиненных.

Субъективность и неоднозначность некоторых образов (Н. А. Лунин, В. Н. Хрулев), их «невписываемость» в официально установившийся канон (стереотип) объясняется спецификой дневникового жанра, предполагающего интимность, откровенность и непубличный характер записей. С этим же связаны фиксация и подробный анализ автором дневника фактов межличностных конфликтов, и уточнение деталей, неизвестных ранее историкам. Дневники Г. И. Сенникова фиксируют бытовые практики, которые использовались командирами для облегчения существования бойцов в экстремальных условиях войны, должны были настроить их на переключение, отдых, эмоциональную разрядку. В эго-документах Г. И. Сенникова матросская рефлексия относительно авторитета командиров венчается созданием собирательного образа «идеального бати», имеющего прототипом реальных офицеров ВМФ.

В качестве перспектив дальнейшего исследования эго-документов матроса-подводника Г. И. Сенникова отметим следующие: возможность более детального изучения фронтовых бытовых практик, зафиксированных в дневниках и воспоминаниях подводника; перспективность исследования проблемы «женщина на войне», любовь и сексуальные отношения на фронте; актуальность изучения проблемы выхода комбатанта из войны на материале крымских дневников краснофлотца 1945-1946 гг.

Финансирование | Funding

RU Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-49-740008 «Челябинская область в Великой Отечественной войне на Севере (по дневникам 1943-1946 гг., документальным повестям матроса-подводника Северного флота Г. И. Сенникова и архивным документам)».

EN The research was funded by the RFBR and Chelyabinsk Region, project number 20-49-740008 “Tchelyabinskaya region in the Great Patriotic War in the North (based on the diaries dated 1943-1946, documentaries of G. I. Sennikov, a submarine sailor of the Northern Fleet, and archival documents)”.

Источники | References

1. Глава Администрации города побывал в гостях у ветерана Зои Афанасьевны Терентьевой [Электронный ресурс]. URL: <http://rostov-news.net/other/2015/10/25/49002.html> (дата обращения: 30.03.2021).
2. Донесение о безвозвратных потерях СФ // Центральный военно-морской архив. Ф. 691. Оп. 1.
3. Кузнецов А. С. Взаимодействие рядового и командного состава Красной Армии в период Великой Отечественной войны: по устным историческим источникам // Ломоносовские чтения на Алтае: материалы Международной молодежной школы-семинара (г. Барнаул, 5-8 ноября 2013 г.): в 6-ти ч. / под ред. Е. Д. Родионова. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2013. Ч. 4. С. 263-270.
4. Кузнецов А. С. Фронтовые дневники: содержание, особенности и потенциал источника (на примере источников периода Великой Отечественной войны) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22 (2). С. 329-337.
5. Мадиссон Александр Иванович [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libava.ru/234.html> (дата обращения: 30.03.2021).
6. Мадиссон Александр Иванович [Электронный ресурс]. URL: http://www.sovboat.ru/means/mens_m.php3#m1 (дата обращения: 30.03.2021).
7. Постникова Е. Г. Роль и функции фронтового дневника в боевых буднях комбатанта (на материале дневников 1943-1946 гг. матроса-подводника Г. И. Сенникова) // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Б. И. Осипова и М. П. Одинцовой (г. Омск, 15-16 февраля 2019 г.) / отв. ред. О. В. Золтер. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2019. С. 114-117.
8. Постникова Е. Г., Волкова В. Б. Это мой мир: фронтовые дневники матроса-подводника // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 2. С. 623-638. DOI: 10.15826/qr.2020.2.484.
9. Постникова Е. Г., Любецкий А. Е. Страхи подводников Великой Отечественной войны (по материалам дневника матроса Северного флота Г. И. Сенникова) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 190-207. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.4.071.
10. Сенников Г. И. Выстрел в бухте [Электронный ресурс]. URL: <http://submarine-at-war.ru/events/440208m119.html> (дата обращения: 30.03.2021).
11. Сенников Г. И. Малютка уходит в море. Воспоминания // Архив Лаборатории народной культуры (ЛНК). Рукописный фонд № 42. Рукопись, набранная на машинке. 157 с.
12. Сенявская Е. С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России: монография. М.: РОССПЭН, 1999. 648 с.
13. Станулевич В. Подлодка «Малютка» против самолетов, сторожевиков и противотанковых орудий [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/society/2839307.html> (дата обращения: 30.03.2021).
14. Тажидинова И. Г. Дневники участников Великой Отечественной войны: потенциал источника // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 2 (45). С. 39-43.

15. Тажидинова И. Г. «Жизнь на войне» в дневниках советских офицеров 1941-1945 гг. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 4 (44). С. 150-158.
16. Фронтной дневник Сенникова Г. И. 1943-1944 гг. // Архив Лаборатории народной культуры (ЛНК). Рукописный фонд № 42. Тетрадь 1. 217 с.
17. Фронтной дневник Сенникова Г. И. 1944-1945 гг. // Архив Лаборатории народной культуры (ЛНК). Рукописный фонд № 42. Тетрадь 2. 158 с.
18. Фронтной дневник Сенникова Г. И. 1945-1946 гг. // Архив Лаборатории народной культуры (ЛНК). Рукописный фонд № 42. Тетрадь 3. С. 160 с.
19. Хеорхе И. И. Деятельность командования по укреплению морального духа подводников Северного флота в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 2. С. 111-121.

Информация об авторах | Author information

RU**Постникова Екатерина Георгиевна**¹, д. филол. н., доц.**Любецкий Артем Евгеньевич**², к. ист. н.**Сенникова Ксения Георгиевна**³^{1,2} Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва**EN****Postnikova Yekaterina Georgievna**¹, Dr**Lyubetsky Artyom Evgen'evich**², PhD**Sennikova Ksenia Georgievna**³^{1,2} Nosov Magnitogorsk State Technical University³ National Research University "Higher School of Economics", Moscow¹ ekaterinapost@mail.ru, ² artyoml@list.ru, ³ ksennikova@hse.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.04.2021; опубликовано (published): 30.06.2021.

Ключевые слова (keywords): Великая Отечественная война; военно-историческая антропология; военные дневники; Северный флот; Г. И. Сенников; The Great Patriotic War; military-historical anthropology; war diaries; Northern Fleet; G. I. Sennikov.